

ISSN 2658-6541

ИСТОРИЯ И АРХИВЫ

Научный журнал

Основан в 2006 г.

HISTORY AND ARCHIVES

Academic Journal

Founded in 2006

Том 5

1 • 2023

Письма друзей и родственников С.В. Ковалевской саратовскому губернатору А.И. Косичу (1891)

Ольга В. Кочукова

*Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского,
Саратов, Россия, kochukovasgu@mail.ru*

Сергей А. Кочуков

*Государственный архив Саратовской области,
Саратов, Россия, kochukovsgu1974@yandex.ru*

Аннотация. В статье анализируется содержание писем друзей и родственников С.В. Ковалевской (Ф.В. Корвин-Круковского, С.И. Ламанского, Ю.В. Лермонтовой) саратовскому губернатору А.И. Косичу (1891 г.), хранящихся в Государственном архиве Саратовской области. Материалы архивной переписки дополняют многочисленными деталями картину повседневной реальности семьи и окружения Софьи Ковалевской. Впервые вводимые в научный оборот архивные материалы представляют интерес с точки зрения их содержания, исторического контекста, упоминаемых общественных и культурных деятелей.

В центре публикуемых эпистолярных источников – реакция друзей и родственников С.В. Ковалевской на ее смерть и вопрос об устройстве будущего ее дочери. Авторы статьи на материалах переписки уточняют характеристику общественных настроений в окружении Софьи Ковалевской. Особенное внимание уделяется роли А.И. Косича в попытках привлечения внимания российской общественности и властных элит к задаче возвращения в Россию знаменитой русской женщины-математика, а после ее смерти – в увековечивании ее памяти. Материалы публикуемой переписки позволяют акцентировать сюжет о патриотических настроениях в окружении Софьи Ковалевской, а также приверженности традициям русского национального сознания и интересе к идеям о роли православно-славянской идентичности в цивилизационно-историческом выборе России.

Ключевые слова: эпистолярные источники, персональная история, история науки, С.В. Ковалевская, А.И. Косич, семья Корвин-Круковских, семья Ковалевских, С.И. Ламанский, Ю.В. Лермонтова, Санкт-Петербургская академия наук, Государственный архив Саратовской области.

Статья поступила в редакцию 16 сентября 2022 г.;
принята к публикации 18 ноября 2022 г.

Для цитирования: Кочукова О.В., Кочуков С.А. Письма друзей и родственников С.В. Ковалевской саратовскому губернатору А.И. Косичу (1891) // История и архивы. 2023. Т. 5. № 1. С. 24–46. DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-24-46

Letters
from the friends and relatives of S.V. Kovalevskaya
to the Saratov Governor A.I. Kosich
(1891)

Olga V. Kochukova

Saratov State University, Saratov, Russia, kochukovasgu@mail.ru

Sergei A. Kochukov

*State Archives of the Saratov region, Saratov,
Russia, kochukovsgu1974@yandex.ru*

Abstract. The article analyzes the content of the letters from the friends and relatives of S.V. Kovalevskaya (F.V. Korvin-Krukovsky, S.I. Lamansky, Yu.V. Lermontova) to Saratov Governor A.I. Kosich (1891), kept in the State Archives of the Saratov Region. The materials from the archival correspondence add numerous details to the picture of the everyday reality for Sofya Kovalevskaya's family and circle. The archival materials introduced into the scientific circulation for the first time are of interest in terms of their content, historical context, and the public and cultural figures mentioned.

In the center of the published epistolary sources are focused on the reaction of the friends and relatives of S.V. Kovalevskaya on her death and the question of the arrangement for her daughter's future. Based on the materials of the correspondence, the authors of the article make an attempt to clarify the characteristics of the public sentiments in Sofya Kovalevskaya's circle. Particular attention is paid to the role of A.I. Kosich in an attempt to attract the attention of the Russian public and the power elites to the task of returning the famous Russian woman mathematician to Russia, and after her death – to perpetuating her memory. Materials of the published correspondence allow accentuating the subject of patriotic moods in Sofya Kovalevskaya's circle, as well as the commitment to the traditions of the Russian national consciousness and the interest in the ideas connected with the role of Orthodox-Slavic identity in the civilizational and historical choice of Russia.

Keywords: epistolary sources, personal history, history of science, S.V. Kovalevskaya, A.I. Kosich, Korvin-Krukovsky family, Kovalevsky family, S.I. Lamansky, Yu.V. Lermontova, St. Petersburg Academy of Sciences, State Archives of the Saratov Region

The article was submitted 16.09.2022;

accepted for publication 18.11.2022.

For citation: Kochukova, O.V. and Kochukov, S.A., (2023), "Letters from the friends and relatives of S.V. Kovalevskaya to the Saratov Governor A.I. Kosich (1891)", *History and Archives*, vol. 5, no. 1, pp. 24–46, DOI: 10.28995/2658-6541-2023-5-1-24-46

Введение

Личности и биографии Софьи Васильевны Ковалевской (1850–1891), знаменитой женщины-математика, члена-корреспондента Санкт-Петербургской Академии наук, профессора Стокгольмского университета, принадлежит особое место в истории интеллектуальной, культурной и общественной жизни России второй половины XIX в. Масштаб ее личности определяется не только тем фактом, что она как первая в мире женщина – профессор математики стала, по выражению М.М. Ковалевского, образцом «действенного феминизма», но и широтой интересов, гениальностью мышления, а также интенсивной вовлеченностью в ведущие социальные и культурные процессы эпохи. Поразительна к тому же глубина проникновения С.В. Ковалевской в этико-философское содержание вопроса человеческого бытия, что нашло отражение в некоторых ее литературных опытах, но прежде всего во внутренне насыщенной жизни, такой, что Генрих Ибсен сказал, что написать биографию Ковалевской – значит создать поэму о ней. Помимо научных трудов, в ее наследие входят литературные воспоминания, повести, стихи и обширная переписка [Афанасьева 2015]. Большой труд по изысканию и систематизации материалов о жизни и деятельности С.В. Ковалевской был проделан многими исследователями и популяризаторами истории науки, среди которых С.Я. Штрайх [Штрайх 1935], Л.А. Воронцова [Воронцова 1957], П.Я. Кочина [Кочина 1981], а также ее дочь Софья Владимировна Ковалевская, переводившая на русский язык научные труды матери.

Обширное эпистолярное наследие С.В. Ковалевской включает семейную переписку, письма к различным деятелям науки и культуры, материалы из стокгольмского архива Г. Миттаг-Леффлера, поступившего после Великой Отечественной войны в Академию наук СССР. В распоряжении исследователей фундаментальная

публикация мемуарных и эпистолярных источников о жизни и деятельности С.В. Ковалевской, осуществленная С.Я. Штрайхом и М.В. Нечкиной¹.

На фоне хорошей изученности эпистолярия Ковалевской неожиданно впечатляющим открытием является любая новая архивная находка. Такой редкой находкой стали письма, обнаруженные в фондах Государственного архива Саратовской области (ГАСО). Это пять писем друзей и родственников С.В. Ковалевской (ее брата Ф.В. Корвин-Круковского, дочери Софьи («Фуфы») Ковалевской, лучшей подруги Ю.В. Лермонтовой и поверенного в делах семьи С.И. Ламанского), написанных в 1891 г., вскоре после ее смерти, саратовскому губернатору А.И. Косичу, приходившемуся Ковалевской двоюродным дядей². Некоторые из них дополняют контекст опубликованной переписки С.В. Ковалевской. Так, в письме А.И. Косича к Ю.В. Лермонтовой, имеющемся в издании С.Я. Штрайха и М.В. Нечкиной³, упоминается факт сообщения адреса Лермонтовой в письме С.И. Ламанского, но само письмо Ламанского до сих пор оставалось неизвестным, так же, как и ответное письмо Лермонтовой Косичу. То, что эти письма до сих пор не были введены в научный оборот, отчасти, видимо, объясняется тем, что личного фонда А.И. Косича в ГАСО нет, и они находятся в составе дела «Письма и личные документы А.И. Косича» в фонде Саратовской ученой архивной комиссии (СУАК).

Впервые публикуемые в тексте данной статьи письма друзей и родственников С.В. Ковалевской, адресованных саратовскому губернатору А.И. Косичу, представляют интерес с точки зрения их содержания, исторического контекста, упоминаемых общественных и культурных деятелей. Думается, что их публикация имеет научное значение в контексте современного гуманитарного научного знания в сфере персональной истории [Звевич 2021], истории науки и научной повседневности [Горшенин 2022], гендерной истории [Пушкарева, Богдашина 2021], источниковедческого изучения эпистолярных источников [Кюнг 2022]. Содержание писем имеет самостоятельную научную ценность в плане исследования проблемы родственных отношений внутри элит Российской империи [Белюсова 2022].

¹ *Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма / Отв. ред. М.В. Нечкина; ред. и коммент. С.Я. Штрайха. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1951.

² Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 407 (Саратовская ученая архивная комиссия). Оп. 2. Д. 686а: Письма и личные документы А.И. Косича.

³ *Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма. С. 356–357.

А.И. Косич и С.В. Ковалевская

Андрей Иванович Косич (1833–1917), генерал от инфантерии, военный и общественный деятель, был участником Крымской (1853–1856) и Русско-турецкой (1877–1878) войн, о последней оставил интересные воспоминания [Кочуков 2010, с. 88–89]; занимал в 1870–1880-е гг. различные командно-штабные должности, а в 1887–1891 гг. – должность саратовского губернатора. С Софьей Васильевной Ковалевской (урожд. Корвин-Круковской) его соединяли родственные узы: он приходился двоюродным братом ее матери – Елизавете Федоровне Шуберт. С.В. Ковалевская и А.И. Косич постоянно поддерживали родственные отношения, состояли в переписке.

С.В. Ковалевская в своих «Воспоминаниях детства», впервые напечатанных в 1890 г., дала своему двоюродному дяде достаточно подробную характеристику, но предпочла скрыть его имя, не желая навредить репутации родственника, завоевавшего популярность либерального администратора. Поэтому в тексте воспоминаний он появляется как некий «дальний родственник», и само это появление объяснялось только контекстом обращения к истории взаимоотношений семьи Корвин-Круковских и Ф.М. Достоевского. Эпизод воспоминаний относится к 1864 г., когда Ф.М. Достоевский, находившийся тогда под гнетом тяжелых обстоятельств личной жизни после смерти жены М.Д. Достоевской (Исаевой), как будто увлекся старшей сестрой С.В. Ковалевской Анной Васильевной Корвин-Круковской (впоследствии А.В. Жаклар), настолько поразившей его своим литературным талантом, что он опубликовал две ее повести в журнале «Эпоха». Текст воспоминаний С.В. Ковалевской передает атмосферу ревности младшей сестры Софьи (на тот период девочки-подростка, юношески преклонявшейся перед Достоевским) к старшей Анне и Достоевского к «дальному родственнику» (А.И. Косичу), которого он, видимо, расценивал как возможного претендента на руку Анны. Ковалевская вспоминала: «В числе гостей был один, который с первой же минуты сделался ему особенно ненавистен. Это был наш дальний родственник со стороны Шубертов; это был молодой немец, офицер какого-то из гвардейских полков. Он считался очень блестящим молодым человеком; был красив и умен, и образован, и принят в лучшем обществе – все это как следует, в меру и не чересчур. И карьеру он тоже делал как следует, не нахально быстро, а солидную, почтенную; умел угодить, кому надлежит, но без явного искательства и низкопоклонства»⁴.

⁴ Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. С. 110.

Характеристики, данные современниками А.И. Косичу на посту саратовского губернатора, были неоднозначны и в немалой степени определялись их политическими взглядами. Более благожелательными были оценки лиц, разделявших либеральные убеждения, и, напротив, отрицательно высказывались консерваторы. Известный саратовский общественный деятель и мемуарист И.Я. Славин писал о Косиче: «Вообще Косич был губернатор наособицу. Это был симпатичный, жизнерадостный военный генерал, обращавший особенно серьезное внимание на санитарию, гигиену и разведение садов... Он любил в разные торжественные случаи или в многолюдных деловых собраниях говорить речи... Косич иногда в частных беседах проявлял такой либерализм и говорил такие “вольности”, которые русскому человеку как-то непривычно было слышать из уст губернатора и военного генерала»⁵. В воспоминаниях саратовского старожилы В.А. Шомпулева А.И. Косич охарактеризован следующим образом: «Косич почему-то считался либералом, но он был до крайности сердечный человек, готовый прийти на помощь каждому в справедливом деле. Он любил молодежь и был прост в обращении, но с членами губернского присутствия и со своим правителем канцелярии обращался как с адъютантами»⁶.

Скорее всего, именно сердечность характера и желание помогать людям, наряду с родственными чувствами, были мотивами проявленной А.И. Косичем активности в реализации идеи о возвращении его знаменитой родственницы в Россию. В сентябре 1889 г. А.И. Косич обратился с письмом к президенту Академии наук великому князю Константину Константиновичу, содержащим просьбу о содействии возвращения С.В. Ковалевской в Россию в качестве члена академии. Косич напомнил изречение Наполеона, что «всякое государство должно дорожить возвращением выдающихся людей более, нежели завоеванием богатого города»⁷. В октябре 1889 г. непременный секретарь Академии наук К.С. Веселовский отправил А.И. Косичу письмо, в котором по приказанию вел. кн. Константина Николаевича передавал ответ на его предложение. После нескольких фраз о несомненном признании заслуг С.В. Ковалевской, утверждалось: «Так как доступ на кафедры в наших университетах совсем закрыт для женщин, каковы бы ни были их способ-

⁵ Славин И.Я. Минувшее-пережитое: Воспоминания. Саратов, 2013. С. 163.

⁶ Шомпулев В.А. Записки старого помещика / Сост., вступ. ст., подгот. текста А.В. Кумакова; коммент. А.В. Кумакова, И.Н. Плешакова. М.: Новое литературное обозрение, 2012. С. 189.

⁷ Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. С. 513 (коммент. С.Я. Штрайха).

ности и познания, то для г-жи Ковалевской в нашем отечестве нет места, столь же почетного и хорошо оплачиваемого, как то, которое она занимает в Стокгольме»⁸.

П.Л. Чебышев полагал, что А.И. Косич начал ходатайствовать о возвращении С.В. Ковалевской в Россию без ее ведома, считал, что ее высокопоставленный родственник мало знал о ее ученой карьере, если не мог сообразить того, что она не может променять почетное место профессора в Стокгольмском университете на единственно доступное ей в России место преподавателя Высших женских курсов⁹. Тем не менее С.В. Ковалевская в письме А.И. Косичу признавалась, что ее, несмотря на долгое житье за границей, все же тянет в Россию и благодарила за проявленную им инициативу: «Большое, большое вам спасибо за ваши письма и за ваши хлопоты по столь горячо интересующему меня делу»¹⁰. В этом же письме она высказывала опасения относительно возможных подозрений по поводу ее политической благонадежности («...у нас ведь, кажется, уже принято каждую ученую женщину подозревать в неблагонадежности»¹¹). Начатое А.И. Косичем дело не было безрезультатным, так как в скором времени по инициативе академических математиков С.В. Ковалевская была избрана в члены-корреспонденты Академии наук. В ноябре 1889 г. Ковалевская, получившая известие об избрании ее в члены-корреспонденты Академии наук, писала Косичу: «Вы можете себе представить, как я была обрадована этой телеграммой. Итак, ваши хлопоты не прошли даром и повели к результату. Большое и сердечное вам за них спасибо. Конечно, член-корреспондент не более как почетный титул и не дает мне возможности вернуться в Россию, но я все же очень рада, что они решились сделать меня и этим, так как теперь, если откроется вакансия на место действительного академика, у них уже не будет предлога не выбрать меня только на том основании, что я женщина»¹².

Многим мечтам, замыслам и надеждам С.В. Ковалевской не суждено было сбыться. 29 января (10 февраля по нов. ст.) 1891 г. после тяжелой и скоротечной болезни С.В. Ковалевская умерла. Ее брат Ф.В. Корвин-Круковский в телеграмме А.И. Косичу сообщал: «Умерла от плеврита, хоронят в Стокгольме откуда жду новостей»¹³. Во время похорон М.М. Ковалевский, обращаясь к памяти ушедшей из жизни, произнес: «Вы всегда были и будете славой нашей родины.

⁸ Там же. С. 353–354.

⁹ Там же. С. 352–353.

¹⁰ Там же. С. 305.

¹¹ Там же.

¹² Там же. С. 306.

¹³ ГАСО. Ф. 407. Оп. 2. Д. 686а. Л. 446.

Недаром оплакивает Вас вся ученая и литературная Россия. Со всех концов обширной империи, из Гельсингфорса и Тифлиса, из Харькова и Саратова, присылают венок на Вашу могилу»¹⁴.

Родственники и друзья С.В. Ковалевской, русские и иностранные, кроме переживания тяжелой утраты, были обеспокоены вопросом об устройстве судьбы оставшейся без обоих родителей¹⁵ 12-летней Сони Ковалевской (в семье ее называли «Фуфой»). Три человека из ближайшего окружения С.В. Ковалевской (Ф.В. Корвин-Круковский, С.И. Ламанский и Ю.В. Лермонтова), помня о родственных чувствах А.И. Косича и его горячем желании принимать участие в жизни семьи Ковалевских, решили обратиться к саратовскому губернатору в надежде на помощь и совет.

Письмо Ф.В. Корвин-Круковского

Федор Васильевич Корвин-Круковский (1855–1920) – младший брат С.В. Ковалевской. По его собственному признанию, его общение с сестрой не было слишком близким, так как их жизненные пути почти не сходились: в раннем детстве разделяла возрастная разница в пять лет, впоследствии он учился в гимназии в Петербурге, а Софья Ковалевская уехала за границу; в основном их личное общение было ограничено периодами ее приездов в Россию. После смерти сестры он написал небольшой мемуарный очерк о ней, опубликованный в журнале «Русская старина»¹⁶. Ф.В. Корвину-Круковскому перешло семейное имение Полибино, но он, по свидетельствам родственников¹⁷, плохо справлялся с управлением имуществом и, в конце концов, проиграл имение в карты. С.В. Ковалевская постоянно проявляла обеспокоенность в связи с финансовыми затруднениями брата («...ужасная эта беда с долгами Феди»¹⁸).

Смерть сестры произвела на Ф.В. Круковского тяжелое впечатление, и он сразу же после получения известия поспешил обратиться с письмом к А.И. Косичу как уважаемому родственнику,

¹⁴ *Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма. С. 407.

¹⁵ Муж С.В. Ковалевской, отец Фуфы, Владимир Онуфриевич Ковалевский (1842–1883), ученый-палеонтолог и зоолог, в возрасте 40 лет покончил жизнь самоубийством.

¹⁶ *Корвин-Круковский Ф.В.* Софья Васильевна Корвин-Круковская, в замужестве Ковалевская // *Русская старина*. 1891. Т. 71. № 9; см. также: *Корвин-Круковский Ф.В.* Воспоминания о сестре // *Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма. С. 369–374.

¹⁷ *Ковалевская С.В.* Воспоминания и письма. С. 368.

¹⁸ Там же. С. 288.

имеющему авторитет и влияние в обществе. Дата отправления на письме не проставлена, что, скорее всего, объясняется эмоциональным состоянием автора, проявившего забывчивость, но рукой А.И. Косича на письме сделана надпись: «Получено 10 февраля». Письмо содержит описание внезапной и скоротечной болезни Софьи Ковалевской. Ее смерть была воспринята всеми людьми, близко знавшими ее, как внезапный и несправедливый удар судьбы, оборвавший ее жизнь именно в тот момент, когда она была полна надежд на личное счастье и чувствовала в себе силы на дальнейшие научные труды. Как и все другие друзья и родственники С.В. Ковалевской, Ф.В. Корвин-Круковский тем более был поражен известием о ее смерти, что в начале болезни доктора надеялись на благоприятный исход [Кочина 1981, с. 175].

Главное в письме Ф.В. Корвин-Круковского А.И. Косичу – выражение обеспокоенности по поводу будущей судьбы дочери С.В. Ковалевской. Очевидно, вопрос об опекунстве со стороны его самого как наиболее близкого родственника Софьи Ковалевской и как родного дяди Фуфы даже не возникал в связи с его крайне затруднительным материальным положением, что, видимо, автор письма подразумевал как само собой разумеющееся и в письме к Косичу даже не заводил речь о своей возможной роли.

Многоуважаемый Андрей Иванович!

Ужасное и столь неожиданное известие о смерти Софьи до такой степени поразило меня, что я едва могу собраться с мыслями, чтобы написать Вам несколько слов и сообщить те немногие подробности, которые до сих пор удалось получить из Стокгольма.

Из письма профессора Гюльдена¹⁹ мы узнаем, что еще в пятницу 25 января (ст. ст.) Софа была у него в гостях, но уже чувствовала себя не совсем хорошо и вернулась домой раньше обыкновенного. В первое время болезнь ее не представляла, по-видимому, серьезной опасности, и доктор имел надежду на благополучный исход; и только в последний день болезнь неожиданно и быстро повернула к худшему. В ночь с понедельника на вторник Софе стало так дурно, что послала за мадам Гюльден²⁰, которая придя к ней, нашла ее уже умирающей, и через четверть часа Софа скончалась. Всех удивляет такая странная форма болезни, и я могу объяснить себе ее только каким-нибудь осложнением, по всей вероятности, пороком сердца, на что она часто жаловалась при жизни. Объясняют также простудой во время переезда с юга

¹⁹ Гюльден, Йохан Аугуст Гуго (1841–1896) – шведский ученый-астрономом, иностранный член-корреспондент Петербургской академии наук; семья Гюльденов входила в круг шведских друзей С.В. Ковалевской.

²⁰ Тереза Гюльден, жена шведского астронома Йохана Гуго Гюльдена.

Франции, где Софа проводила рождественские каникулы и только за несколько дней до начала болезни вернулась в Стокгольм.

Какое ужасное несчастье эта смерть! Не говоря уже о горе для родственников и всех близко знавших Софу людей, какая эта утрата для науки и для всего общества! Ведь она умерла в полном расцвете умственных сил, сравнительно недавно достигши результатов многих лет упорного труда.

Вместе с известием о смерти Софы была получена телеграмма от Юлии Всеволодовны Лермонтовой о том, что она едет в Стокгольм за Фуфой. Но теперь она решила отложить эту поездку. И действительно, было бы неблагоразумно вести Фуфу в Россию в настоящее время года, подвергая ее опасности простуды. Относительно же участи ее на первых порах беспокоиться особенно нечего, так как в семье у Гюльденов она как дома. Лучше дожидаться весны, и тогда перевезти Фуфу. Но вот вопрос о дальнейшей судьбе девочки и ее воспитании имеет гораздо более серьезное значение. Хотя Академия наук и решила принять участие в этом и определить Фуфу в институт²¹ на казенный счет, но вряд ли такая форма будет принята дядей Фуфы Александром Онуфриевичем Ковалевским²² (который будет, вероятно и опекуном), так как она не соответствует желаниям Софы, не любившей вообще институтского воспитания. Лучше было бы, если возможно, хлопотать о стипендии. Впрочем, вообще вопрос о будущем Фуфы едва ли может быть решен до приезда Александра Онуфриевича, который теперь в Одессе.

Будьте здоровы, многоуважаемый Андрей Иванович, от души желаю Вам всего лучшего и остаюсь преданный Вам

Федор Корвин-Круковский

В тексте письма Ф.В. Корвин-Круковский выразил сожаление о том, что самым вероятным опекуном следует считать дядю Фуфы по отцовской линии А.О. Ковалевского, проявил осведомленность относительно обстоятельств ее жизни в семье шведских друзей С.В. Ковалевской Гюльденов (у которых «она, как дома») и сообщил А.И. Косичу о большой решимости Ю.В. Лермонтовой на правах лучшей подруги умершей и крестной матери Фуфы принимать участие в воспитании девочки. В ближайшем окружении С.В. Ковалевской эта решимость Ю.В. Лермонтовой не подвергалась ни малейшему сомнению, так как она фактически была

²¹ Имеется в виду Институт благородных девиц.

²² Ковалевский Александр Онуфриевич (1840–1901) – русский биолог, основоположник эмбриологии и физиологии; член Петербургской Академии наук, профессор Петербургского университета. Брат мужа С.В. Ковалевской Владимира Онуфриевича Ковалевского, отца Фуфы (Софы Владимировны Ковалевской).

«второй матерью» Фуфы, у которой та проживала в раннем детстве до переезда в Стокгольм, а впоследствии постоянно проводила каникулы.

Вместе с тем Ф.В. Корвин-Круковский, обращаясь к А.И. Косичу и, видимо, учитывая его высокое положение и влияние во властных кругах, заострял вопрос о возможности назначения Фуфе стипендии на дальнейшее обучение от Академии наук. Постановка этого вопроса была связана с известием о готовности Академии наук принять участие в судьбе дочери прославленной учеными трудами соотечественницы в форме ее определения за казенный счет в Институт благородных девиц. Ф.В. Корвин-Круковский в связи с этим напоминал, что С.В. Ковалевская к институтскому образованию девушек относилась неприязненно. В этом она была неодинока. Так, в одном из многочисленных мемуаров воспитанниц институтов благородных девиц отмечалось: «В первое время было особенно тяжело потому, что дома я жила на свободе, никогда не слыхала грубого слова и не знала что такое страх. В институте я чувствовала себя, как птица в клетке, и утратила веселость и живость. <...> Наказание за всякую мелочь, грубость воспитанниц – все это угнетающе действовало на мягкие и нервные натуры, забывая их, а в детях с развитой индивидуальностью развивало дерзость, непослушание, желание сделать назло, обмануть и помучить»²³.

Именно вопрос о возможности назначения Софье Ковалевской-младшей академической стипендии является главным в следующем по времени письме, полученным саратовским губернатором, на сей раз от С.И. Ламанского.

Письма С.И. Ламанского

Сергей Иванович Ламанский (1841–1901) – русский ученый, физиолог и физик, автор исследований о нефтяном газе, преподавал в Медико-хирургической академии и Варшавском университете, занимался техническими проектами газового освещения столицы. С.И. Ламанский – сын сенатора и чиновника Министерства финансов И.И. Ламанского (1794–1879), брат крупного финансиста, управляющего Государственным банком Е.И. Ламанского (1825–1902) и историка-слависта, славянофила, профессора Санкт-Петербургского университета, академика В.И. Ламанского (1833–1914).

С.И. Ламанский, в молодости испытавший увлечение Софьей Ковалевской, впоследствии на протяжении всей жизни был

²³ Воспоминания институтки шестидесятых годов // Русская старина. 1909. Т. 140. № 10. С. 171–172.

преданным другом и поверенным в материальных делах семьи Ковалевских²⁴. Он занимался финансовыми вопросами, переговорами с издателями сочинений Ковалевской, пересылкой ей книг и журналов из России²⁵. Управление материальными делами было не всегда эффективным, но Ламанский был незаменим как своего рода «связующее звено» с Россией. Характерна запись в дневнике С.В. Ковалевской от 17 мая 1890 г.: «Приехала в Петербург. Никто не встретил на железной дороге. Вечером пришел Ламанский и выложил мне все сплетни, ходящие на мой счет»²⁶.

После смерти С.В. Ковалевской С.И. Ламанский писал Ю.В. Лермонтовой: «Тяжело помириться с этой утратой. Трудно встретить вторую женщину, в которой было такое счастливое сочетание глубокого ума с талантом, веселостью и живостью характера»²⁷. С большой энергией Ламанский включился в хлопоты об устройстве воспитания и обучения дочери Ковалевской. Публикуемые два письма С.И. Ламанского А.И. Косичу содержат самую подробную информацию о той деятельности, которую он развернул в попытке добиться назначения Софье Ковалевской-младшей пенсии от Санкт-Петербургской Академии наук.

18 февраля 1891 г.

Милостивый государь Андрей Иванович!

В дополнение к моему письму сообщаю Вам, что я убедил Александра Онуфриевича Ковалевского, дядю Фуфы, написать частное письмо великому князю Константину Константиновичу²⁸, которое могло бы послужить официальным основанием для предложения о пенсии Фуфы. Кроме того, некоторые знакомые Софьи Васильевны обещались говорить с Тертием Ивановичем Филипповым²⁹ и говорили

²⁴ Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. С. 508 (коммент. С.Я. Штрайха).

²⁵ Там же. С. 288–289.

²⁶ Там же. С. 181.

²⁷ Там же. С. 532.

²⁸ Великий князь Константин Константинович (1858–1915) – сын великого князя Константина Николаевича, брата императора Александра II, генерал-адъютант, с 1889 г. президент Императорской Санкт-Петербургской Академии наук, поэт и переводчик (поэтический псевдоним *К. Р.*) Именно к нему А.И. Косич обращался с письмом о содействии возвращению С.В. Ковалевской в Россию. За несколько лет до этого вел. кн. Константин Константинович дважды встречался с С.В. Ковалевской и выражал надежду на ее возвращение в Россию.

²⁹ Филиппов Тертий Иванович (1826–1899) – государственный деятель Российской империи, государственный контролер с 1889 по 1899 г.

уже с Д.М. Сольским³⁰, который обещался, коль скоро представление от великого князя Константина Константиновича пойдет к Делянову³¹, переговорить с последним и с Вышнеградским³².

Александр Онуфриевич Ковалевский в одно время с присланной мне газетой отправил письмо великому князю Константину Константиновичу, так что сегодня он должен был его получить. Я переговорю с некоторыми академиками еще раз, но они, как например Яков Карлович Грот³³, полагают, что они свое дело сделали.

Хотя мы здесь открыли подписку на фонд С.В. Ковалевской, но подписка идет до сих пор довольно туго. Шведские друзья С.В.³⁴, как мне сообщил Миттаг-Леффлер³⁵, открывают в различных странах среди друзей подписку на памятник на могилу С.В.

Фуфа останется до мая месяца в Стокгольме, когда за ней поедет Ю.Вс. Лермонтова и возьмет к себе. Где же Фуфа дальше будет, то это до сих пор не решено. Постоянная переписка Ю.Вс. Лермонтовой со мной и Александром Онуфриевичем не приводит к результату, и в полученном сегодня письме Юлия Всеволодовна предлагает нам

Был известен как церковный публицист и собиратель русского песенного фольклора; придерживался консервативных взглядов, являлся сторонником русского национального направления, был в дружеских отношениях с философом русского консерватизма К.Н. Леонтьевым, но в конфликтных – с К.П. Победоносцевым. Почетный член Петербургской Академии наук и Московской духовной академии, вице-председатель Императорского православного Палестинского общества.

³⁰ Сольский Дмитрий Мартынович (1833–1910) – русский государственный деятель, государственный секретарь (1867–1878), предшественник Т.И. Филиппова на посту государственного контролера (1878–1889), председатель Департамента законов (1889–1893).

³¹ Делянов Иван Давыдович (1818–1897) – государственный деятель Российской империи; в царствование императора Александра III занимал пост министра народного просвещения (1882–1897).

³² Вышнеградский Иван Алексеевич (1831–1895) – русский ученый-механик и государственный деятель; с 1888 г. почетный член Санкт-Петербургской Академии наук; с 1887 по 1892 г. возглавлял Министерство финансов.

³³ Грот Яков Карлович (1812–1893) – русский ученый-филолог; с 1889 г. вице-президент Санкт-Петербургской Академии наук.

³⁴ Среди шведских друзей С.В. Ковалевской известны семья Гюльденов, математик М.Г. Миттаг-Леффлер, писательницы Эллен Кей и А.-Ш. Леффлер-Эдгрэн.

³⁵ Миттаг-Леффлер, Магнус Густав (1846–1927) – шведский математик, профессор Стокгольмского университета; был известен как сторонник равноправия женщин.

сехаться для обсуждения всех вопросов, возникших как относительно воспитания Фуфы, так и других дел, остающихся неразрешенными за смертью Софьи Васильевны.

Примите уверение в моем почтении, готовый к услугам

С. Ламанский

22 февраля 1891 г.

Милостивый государь Андрей Иванович!

Сейчас получил следующую записку от вице-председателя Академии наук Якова Карловича Грота: «Долгом считаю сообщить Вам, что гр. Делянов считает невозможным просить пенсии для Сони Ковалевской, потому что на пенсию имеют право только такие сироты, которых отцы или по отца мать получали таковую, о чем сегодня пишу это и А.О. Ковалевскому».

Этот чисто формальный отказ сделан Деляновым несмотря на желание великого князя Константина Константиновича и членов Академии наук почтить память С.В. Ковалевской.

Из газеты «День»³⁶ я узнал, что Вы собираетесь в скором времени приехать в Петербург. Если Вы проездом остановитесь в Москве, не повидаетесь ли Вы с Ю.В. Лермонтовой (Старая Конюшенная, дом Курилко, кв. 5), она имеет прямые сведения о M-me Gulden, у которой осталась Фуфа. Вообще она может Вам многое сообщить о состоянии дел С.В. и будущем Фуфы.

Примите уверение в совершенном почтении, готовый к услугам

С. Ламанский

Как следует из публикуемых писем, С.И. Ламанский и несколько друзей и знакомых С.В. Ковалевской приложили неординарные усилия к тому, чтобы решить вопрос о назначении ее дочери пенсии от Петербургской Академии наук. Они обращались к действительным и почетным членам Академии наук, занимавшим в то же время высокие посты, в основном в финансовом ведомстве, среди которых упоминаются Т.И. Филиппов, Д.М. Сольский, И.А. Вышнеградский. Напрямую обращались к президенту Академии великому князю Константину Константиновичу и вице-президенту Я.К. Гроту. Но все усилия оказались безрезультатными. Видимо, сочувствие вел. кн. Константина Константиновича было формальным и ему не сопутствовала решимость отстаивать положительное решение вопроса, а главную роль сыграла позиция министра просвещения И.Д. Делянова, отказавшегося писать прошение о выдаче

³⁶ «День» – газета политическая, общественная и литературная; выходила в Санкт-Петербурге в 1888–1895 гг.; редактор и издатель Н.А. Росковский.

пенсии Софье Ковалевской-младшей на том основании, что на такую пенсию она имела бы право, согласно действовавшим распоряжениям, только в том случае, если бы ее получали ее умершие родители.

Конечно, в такой ситуации уже не имела бы значения помощь и поддержка саратовского губернатора в каких бы то ни было дальнейших хлопотах о пенсии. Поэтому С.И. Ламанский всего лишь информировал А.И. Косича о неутешительных итогах предпринятой инициативы. Вместе с тем он постарался привлечь Косича к решению самого неотлагательного семейного вопроса о том, кто возьмет на себя обязанности по воспитанию Сони Ковалевской и станет ее официальным опекуном. Сразу несколько человек изъявили такую готовность. Это были: ее дядя А.О. Ковалевский; крестная мать Ю.В. Лермонтова; крестный отец, знаменитый русский ученый-физиолог И.М. Сеченов³⁷; близкий друг С.В. Ковалевской в последние годы ее жизни, историк и социолог М.М. Ковалевский.

С.И. Ламанский поддержал предложение Ю.В. Лермонтовой съехаться ближайшим друзьям С.В. Ковалевской для решения вопроса о воспитании ее дочери и попросил А.И. Косича, собиравшегося в поездку в Петербург, по возможности, будучи проездом в Москве, встретиться с ней лично.

Письмо Ю.В. Лермонтовой

Юлия Всеволодовна Лермонтова (1847–1919) – троюродная племянница знаменитого поэта, одна из первых русских женщин-химиков, работавшая в лаборатории А.М. Бутлерова в Петербургском университете, переводившая на иностранные языки труды Д.И. Менделеева, одна из первых исследователей свойств нефти; была принята в члены Русского химического общества и Русского технического общества. Ю.В. Лермонтова была ближайшей подругой С.В. Ковалевской, прошедшей вместе с ней трудные дороги

³⁷ Жена И.М. Сеченова М.А. Сеченова (Бокова) писала Ю.В. Лермонтовой 6 февраля 1891 г. из Парижа: «Дорогая Юлия Всеволодовна! Мы ужасно поражены смертью Софьи Васильевны. Можно легко представить, каково наше горе. Мысль непосредственно переносится к Фуфочке. Где она теперь, у кого будет, кому поручила ее Софья Васильевна, если успела сделать какие-нибудь распоряжения на ее счет. Вы знаете, что мы оба, то есть я и Иван Михайлович, очень склонны любить эту милую девочку. Нам хотелось бы принять возможно близкое участие в ее судьбе, на что имя крестного отца дает И.М. полное право. Пожалуйста, напишите нам точас по получении этого письма. Это вопрос для нас обоих очень важный» (*Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. С. 356*).

учебы, научной деятельности и жизненные перипетии в России и за рубежом. В 1878 г. она вместе с И.М. Сеченовым стала восприимницей при крещении дочери С.В. Ковалевской. Именно Ю.В. Лермонтова занималась воспитанием Фуфы до того момента, как С.В. Ковалевская смогла организовать совместную жизнь с дочерью в Стокгольме, и впоследствии всегда принимала самое большое участие в жизни девочки, называвшей ее не иначе как «мамой Юлей». В свою очередь, С.В. Ковалевская безгранично доверяла Ю.В. Лермонтовой; в письме к Терезе Гюльден она признавалась, что лучшая подруга «сосредоточила всю любовь своего сердца на моей маленькой Соне»³⁸.

Публикуемое письмо Ю.В. Лермонтовой от 2 марта 1891 г. является ответом на письмо А.И. Косича от 26 февраля 1891 г. Косич писал: «Я подавлен несчастьем общей нашей невознаградимой потери. Я телеграфировал по получении депеши о смерти Софы: Leffler, Феде и С.Ф. Шуберт и даже вам в Стокгольм»³⁹. Автор письма вновь возвращался к теме о безуспешных попытках возвращения Софы Ковалевской в Россию: «Как грустно, что Софа похоронена в Стокгольме; хотя бы это утешение не было от нас отнято, чтобы ее прах покоился в России, которая не успела пригреть ее у себя»⁴⁰. Косич сообщал в этом письме о своей предстоящей поездке в Петербург и о своем намерении встретиться с Ю.В. Лермонтовой, будучи проездом в Москве.

Вопрос, который в наибольшей степени занимал Ю.В. Лермонтову, был о возможном удочерении Фуфы ее дядей А.О. Ковалевским или несостоявшимся мужем матери М.М. Ковалевским. А.О. Ковалевский с самого начала выразил готовность прислушаться к мнению Ю.В. Лермонтовой; он писал ей: «Вы можете быть вполне уверены, что ни на один серьезный шаг я не решусь, не посоветовавшись с Вами и не переговорив с Вами самым подробным образом. Я уверен, что могу даже обещать, что ни на что серьезное не решусь без вашего согласия»⁴¹. Большие опасения Ю. Лермонтовой вызывала возможная реакция М.М. Ковалевского, к которому она относилась неоднозначно. Отношения Софы Ковалевской со столь же знаменитым, как и она сама, однофамильцем, были сложными, их роман доставлял ей много переживаний, далеко не всегда счастливых. Летом 1890 г. они провели вместе два месяца, путешествуя по Европе, и на июнь 1891 г. была намечена свадьба [Кочина 1981, с. 173]. После смерти С.В. Ковалевской М.М. Ковалевский

³⁸ Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. С. 282.

³⁹ Там же. С. 357.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 528.

признавался в письме к Ю.В. Лермонтовой, что «в их отношениях с Софьей Васильевной было много такого, что трудно понять людям посторонним»⁴². В свою очередь, А.О. Ковалевский, считавший удочерение Фуфы М.М. Ковалевским «невозможным», не хотел обижать его резким отказом, учитывая желание Софьи Ковалевской связать с ним свою судьбу и тот факт, что мысль об удочерении принадлежала именно ей⁴³. Уже в письме от 6 марта 1891 г. А.О. Ковалевский извещал Ю.В. Лермонтову, что столь пугавшее ее удочерение М.М. Ковалевским не состоится⁴⁴.

Москва, 2 марта 1891 г.

Милостивый государь Андрей Иванович!

Меня очень обрадовало получение Вашего письма, тем более что я сама в это время порывалась написать Вам.

Столь неожиданная, несвоевременная во всех отношениях кончина Софьи Васильевны как громом поразила меня. Я и до сих пор не могу еще хорошенько придти в себя и взвесить всю неизмеримость утраты, понесенной как обществом, так и ее близкими друзьями. Теперь остается одно утешение – сосредоточить все свои заботы на Фуфе, на ее дальнейшем воспитании и образовании.

Здесь много еще неразрешенных вопросов. Друзья Софьи Васильевны в Швеции, и кажется также М.М. Ковалевский⁴⁵, думают, что Фуфе лучше было бы кончить свое гимназическое и быть может и университетское образование в Стокгольме, а только каждое лето приезжать ко мне в Россию. Я же полагаю, что Фуфе, как русской девочке, следует учиться в России, по крайней мере здесь получить среднее образование, и полагаю, что и Софья Васильевна желала этого же самого. Понятно, что я горячо желаю, чтобы она у меня нашла себе родное гнездо, и знаю, что она нигде не будет себя чувствовать так у себя дома, как у меня.

А.О. Ковалевский со своей стороны очень желает взять ее к себе. Конечно, его общество, равно как и влияние его старшей дочери⁴⁶, очень

⁴² Там же. С. 358.

⁴³ Там же. С. 357.

⁴⁴ Там же. С. 528.

⁴⁵ Ковалевский Максим Максимович (1851–1916) – историк, юрист и социолог, общественный деятель, один из руководителей масонских организаций, академик Санкт-Петербургской академии наук. В 1887 г. по приказу министра просвещения И.Д. Делянова был уволен из Московского университета, после чего жил за границей и читал лекции по приглашениям в ряде европейских университетов. С С.В. Ковалевской познакомился в 1888 г. в Швеции.

⁴⁶ Имеется в виду старшая дочь А.О. Ковалевского Ольга Александровна Ковалевская.

милой девушки, для Фуфы могло бы быть только благотворное, но дело в том, что жена А.О. (между нами будет сказано) женщина необразованная⁴⁷, простая по происхождению и, как я слышала, не особенно хорошего характера, поэтому я думаю, что Фуфе быть у меня все-таки лучше.

Весною, в мае, я полагаю ехать за Фуфой в Швецию, а до этого времени все эти вопросы должны быть разрешены так или иначе. Для этого мне, вероятно, придется ехать в Одессу и повидаться лично с А.О. Ковалевским. Письменные переговоры трудно приводить к определенному решению вопроса.

Я очень обрадовалась известию, что Вы в начале марта поедете в Петербург и, быть может, проездом в Москве найдете возможным захватить ко мне. Мне бы очень хотелось с Вами как с человеком расположенным обсудить все эти вопросы и узнать Ваше мнение.

Каждому из нас трудно на себя одного взять ответственность за будущую судьбу Фуфы, и потому происходит вредная для девочки нерешительность. Еще один весьма важный вопрос – это вопрос об отношениях к Фуфе М.М. Ковалевского. Если мы увидимся с Вами в Москве, то лучше переговорить об этом лично – писать пришлось бы слишком много. Во всяком случае должна сказать Вам свое мнение, которое не сходится с мнением друзей Софьи Васильевны в Швеции и отчасти и в России – мне не особенно нравится этот проект усыновления Фуфы, и какое-то внутреннее чувство говорит мне, что из деликатности к памяти Софьи Васильевны следовало бы от этого отказаться. Впрочем, об этом мы подробно переговорим при свидании.

Покуда до весны Фуфа устроена хорошо, посещает по прежнему школу, учится Закону Божьему у русского священника, по своему собственному желанию, посещает раз в неделю семейство секретаря посольства Арсеньева⁴⁸, где с ней занимаются русским чтением и правописанием. Теперь надеюсь, что она до весны не забудет по-русски. Семейство Гюльден, где она живет, прекрасные люди и очень ее любят. Я пишу ей каждую неделю и она мне также. Однако боюсь утомить Ваше внимание и кончаю свое письмо просьбою нам непременно свидеться в Москве. Надеюсь, что разговор с Вами уяснит многие вопросы.

С совершенным уважением
Ю. Лермонтова

⁴⁷ Имеется в виду жена А.О. Ковалевского Татьяна Кирилловна Ковалевская (Семенова).

⁴⁸ Арсеньев Сергей Васильевич (1854–1922) – русский дипломат, сотрудник русских посольств в Швеции и Норвегии; один из членов-учредителей Императорского православного Палестинского общества. Семья С.В. Арсеньева включала в себя его супругу Екатерину Васильевну Арсеньеву (Шеншину) и их детей: Василия, Николая, Юрия.

Р.С. Сейчас получила портрет Софьи Васильевны, за который несказанно благодарна Вам. Портрет в «Русской старине»⁴⁹ действительно восхитительный.

В этом письме достойны внимания два момента, которые являются своего рода маркерами общественных настроений в окружении С.В. Ковалевской. Во-первых, это приверженность русскому национальному сознанию и стремление поддерживать на уровне семьи традиции национального воспитания и образования. Именно поэтому Ю.В. Лермонтова выступила против идеи шведских и некоторых русских друзей С.В. Ковалевской (прежде всего, М.М. Ковалевского) о завершении образования ее дочери за границей, убежденно утверждая, что «Фуфе, как русской девочке, стоит учиться в России». Здесь следует еще раз вспомнить о постоянной тоске Софьи Ковалевской по родине и о ее попытках вернуться в Россию. Ее тяготила невозможность говорить и выражать мысли по-русски во время жизни за границей: «...это все равно как если бы вас заставили ходить целый день с маской на лице»; «...всякий раз, как я возвращаюсь в Россию, мне кажется, что я вернулась из тюрьмы, где держали взаперти связанными мои лучшие мысли» [Кочина 1981, с. 172]. Как видно из публикуемого письма, С.В. Ковалевская успела предпринять шаги к тому, чтобы ее дочь, наряду с получением общего образования в шведской школе, имела возможность изучать русский язык и русскую литературу, а также воспитывалась в православной вере и училась Закону Божьему у русского священника. Особенно примечательно в письме упоминание о том, что Ковалевская-младшая раз в неделю посещала семейство секретаря русского посольства в Швеции С.В. Арсеньева, где с ней специально занимались русским чтением и правописанием. С.В. Арсеньев, дипломат и специалист в области русской, славянской и византийской истории, отец русского религиозного мыслителя, философа и богослова Н.С. Арсеньева [Лысков 2007] – еще один деятель политики и культуры из круга общения С.В. Ковалевской, наряду с семьей Ламанских, испытывавший глубокий интерес к славянофильским и национально-консервативным идеям о роли православно-славянской идентичности в цивилизационно-историческом выборе России. В этой связи можно упомянуть и об особом почтении С.В. Ковалевской к личности и творчеству Ф.М. Достоевского и о том, что в попытке добиться пенсии для Фуфы С.И. Ламанский большие надежды возлагал на консервативно-церковного публициста Т.И. Филиппова (последний, кстати, наряду с С.В. Арсеньевым был

⁴⁹ Портрет С.В. Ковалевской был помещен в журнале «Русская старина» в № 10 за 1890 г. Фотографию портрета исполнил В.И. Классен.

одним из учредителей Императорского православного Палестинского общества). Эти обстоятельства не согласуются с устоявшимся представлением о близости Софьи Ковалевской (автора повести «Нигилистка») к традициям освободительного (радикального) движения в России и, надо полагать, могут еще явиться немаловажным мотивом для дальнейшего, по возможности беспристрастного и объективного, изучения общественно-политических взглядов знаменитой русской женщины-математика. Здесь же подчеркнем еще один «маркер» общественных настроений в окружении Ковалевской, отразившийся в тексте публикуемого письма Ю.В. Лермонтовой. Одним из аргументов в ее позиции относительно удочерения Фуфы А.О. Ковалевским стала ссылка на необразованность и «простое происхождение» его жены. Культурные традиции и сословные предрассудки русского дворянства продолжали сохранять свое значение в семейном быту ее представителей, зачастую несмотря на «демократизм» занимаемой общественной позиции. Неслучайно, в свое время С.И. Ламанский сетовал на дурное влияние «демократизма» на воспитание сына сестры Ковалевской А.В. Жаклар [Румянцева 1997, с. 156–157].

Письмо «Фуфы» Ковалевской

Софья Владимировна Ковалевская (1878–1952) – дочь С.В. Ковалевской и В.О. Ковалевского. После смерти матери ее воспитанием занималась Ю.В. Лермонтова; в 1897 г. она закончила гимназию в Петербурге, потом училась на Бестужевских курсах и в Санкт-Петербургском медицинском институте. Ковалевская-младшая работала врачом в лаборатории, занималась переводами трудов С.В. Ковалевской на русский язык, оставила воспоминания о матери.

Публикуемое короткое письмо Соня Ковалевская написала в марте 1891 г. в ответ на послание, адресованное ей А.И. Косичем, о котором он упомянул в письме к Ю.В. Лермонтовой: «Я писал Фуфе, чтобы она рассчитывала на наш дом, как на самый близкий, родной»⁵⁰.

Дорогой дядя!

Благодарю вас за ваше доброе письмо, я очень хорошо вас помню, когда мы вместе с дорогой мамой были в Париже.

Кончина дорогой мамы была так неожиданна. Она была больна только четыре дня, должно быть, простудилась в дороге. Она ездила

⁵⁰ Ковалевская С.В. Воспоминания и письма. С. 357.

на праздники в Ниццу к дяде Максиму Максимовичу Ковалевскому. Он приезжал на похороны сюда и позаботился поместить меня у М-м Гюльден, которая ко мне очень добра. Я продолжаю ходить в школу каждый день. Лето я, вероятно, проведу в России у Ю.В. Лермонтовой.

Крепко обнимаю вас, дорогой дядя.

Фуфа Ковалевская

Заключение

Письма друзей и родственников С.В. Ковалевской саратовскому губернатору А.И. Косичу, сохранившиеся в Государственном архиве Саратовской области, в фонде Саратовской ученой архивной комиссии, представляют собой достаточно интересный исторический источник. Основное их содержание связано с реакцией ближайшего окружения С.В. Ковалевской на ее скоропостижную кончину и с обсуждением вопросов относительно устройства жизни и обучения ее дочери – Сони (Фуфы) Ковалевской. Материалы архивной переписки дополняют многочисленными деталями картину повседневной реальности семьи и окружения Ковалевских, проливают свет на обстоятельства обращения в Петербургскую академию наук с просьбой о назначении стипендии дочери знаменитой соотечественницы и получения отказа. Помимо того, мысли и суждения Ф.В. Корвин-Круковского, С.И. Ламанского, Ю.В. Лермонтовой, высказанные ими в переписке с А.И. Косичем, характеризуют общественные настроения в окружении Софьи Ковалевской.

Литература

- Афанасьева 2015 – *Афанасьева Ю.Ю.* Софья Ковалевская в воспоминаниях и критических исследованиях // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2015. Вып. 10. С. 195–198.
- Белюсова 2022 – *Белюсова О.В.* Родственные отношения внутри российской элиты Российской империи – недооцененный фактор или ложный след? // Российская история. 2022. № 4. С. 140–145.
- Воронцова 1957 – *Воронцова Л.* Софья Ковалевская. М., 1957. 341 с.
- Горшенин 2022 – *Горшенин А.В.* История жизни и научной деятельности советского микробиолога З.В. Ермольевой в документах российских федеральных архивов // Вестник архивиста. 2022. № 3. С. 916–928.
- Звавич 2021 – *Звавич В.И.* Бежавший от войны: О российском ученом-эмигранте Б.М. Сапире // История и архивы. 2021. № 2. С. 100–106.

- Кочина 1981 – *Кочина П.Я.* Софья Васильевна Ковалевская. М., 1981. 312 с.
- Кочуков 2010 – *Кочуков С.А.* Рущукский отряд в Русско-турецкой войне 1877–1878 гг. (по воспоминаниям А.И. Косича) // Известия Саратовского университета. Новая серия «История. Международные отношения». 2010. Т. 10. Вып. 1. С. 88–92.
- Кюнг 2022 – *Кюнг П.А.* Документ в системе документоведения и архивоведения: к построению единой теории // История и архивы. 2022. № 3. С. 105–116.
- Лысков 2007 – *Лысков А.П.* Николай Арсеньев: вдали от Родины, но сердцем с ней // Вестник Московского университета. Серия 7. Философия. 2007. № 3. С. 3–33.
- Пушкарева, Богдашина 2021 – *Пушкарева Н.Л., Богдашина И.В.* Источники личного происхождения по истории женской советской провинциальной повседневности 1950–1960-х гг. // Вестник архивиста. 2021. № 1. С. 93–104.
- Румянцева 1997 – *Румянцева В.П.* Родословная Корвин-Круковских // Невельский сборник. СПб., 1997. Вып. 2. С. 146–157.
- Штрайх 1935 – *Штрайх С.Я.* С. Ковалевская. М., 1935. 240 с.

References

- Afanas'eva, Yu.Yu. (2015), "Sofya Kovalevskaya in the memoirs and critical research", *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, vol. 10, pp. 195–198.
- Belousova, O.V. (2022), "Kinship relations within the Russian elite of the Russian Empire – an underestimated factor or a false footprint?", *Rossiiskaya istoriya*, vol. 4, pp. 140–145.
- Gorshenin, A.V. (2022), "History of life and science activity of Soviet microbiologist Z.V. Ermolyeva in the documents of the Russian federal archives", *Herald of an Archivist*, vol. 3, pp. 916–928.
- Kochina, P.Ya. (1981), *Sof'ya Vasil'evna Kovalevskaya* [Sofya Vasilyevna Kovalevskaya], Moscow, Russia.
- Kochukov, S.A. (2010), "Rushchuk detachment in the Russian-Turkish war of 1877–1878 (according to the memoirs of A.I. Kosich)", *Izvestiya of Saratov University. History. International Relations*, vol. 10, no. 1, pp. 88–92.
- Kyung, P.A. (2022), "Document in the system of records management and archives administration. Towards a unified theory", *History and Archives*, no. 3, pp. 105–116.
- Lyskov, A.P. (2007), "Nikolay Arsenyev. Far away from the homeland but the hearts are with it", *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya*, no. 3, pp. 3–33.
- Pushkareva, N.L. and Bogdashina, I.V. (2021), "Personal provenance sources on the history of provincial daily life of Soviet women in the 1950–1960s", *Herald of an Archivist*, vol. 1, pp. 93–104.
- Rumyantseva, V.P. (1997), "Ancestry of the Korvin-Krukovskys", in *Nevel'skii sbornik*, Saint Petersburg, Russia, iss. 2, pp. 146–157.
- Shtrajkh, S.Ya. (1935), *S. Kovalevskaya* [S. Kovalevskaya], Moscow, USSR.

- Voroncova, L. (1957), “Sof’ya Kovalevskaya” [Sof’ya Kovalevskaya], *Moscow, 1957*. 341 p.
- Zvavich, V.I. (2021), “Bezhavshij ot vojny: O rossijskom uchenom-emigrante В.М. Sapire” [Fleeing from the war. About Russian emigrant-scientist V.M.Sapir], *Istoriya i arhivy*, no 2, pp. 100–106.

Информация об авторах

Ольга В. Кочукова, кандидат исторических наук, доцент, Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Астраханская, д. 83; kochukovasgu@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9595-7571

Сергей А. Кочуков, доктор исторических наук, Государственный архив Саратовской области, Саратов, Россия; 410012, Россия, Саратов, ул. Кутякова, д. 15; kochukovsgu1974@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3448-7457

Information about the authors

Olga V. Kochukova, Cand. of Sci. (History), associate professor, Saratov State University, Saratov, Russia; bld. 83, Astrakhanskaya St., Saratov, Russia, 410012; kochukovasgu@mail.ru
ORCID ID: 0000-0002-9595-7571

Sergei A. Kochukov, Dr. of Sci. (History), State Archives of the Saratov Region, Saratov, Russia; bld. 15, Kutyakova St., Saratov, Russia, 410012; kochukovsgu1974@yandex.ru
ORCID ID: 0000-0002-3448-7457